

Валентин Распутин,
писатель,
лауреат Государственной
премии СССР

Вечный родник

Случись такое, что пришлось бы нам держать ответ перед какой-то всесветной силой за национальную духовность, — что представили бы мы отчетом за свою историческую продолжительность? Бесспорно, «Слово о полку Игореве», Пушкина и Достоевского, остальное в зависимости от того, как много позволилось бы называть. Но эти три строки прежде всего и в таком именно порядке.

Мы, пожалуй, и не подозреваем, насколько глубоко «Слово» впиталось в нашу кровь. Уже изначальным составом подготовлено в нас место для его восприятия. «Что не шумит, что не звенит изда-дека рано до зари?» — эти слова были во мне еще до того, как я прочитал их в современной транскрипции, они звучали прежде в той архаике, в какой впервые были сказаны. И Святославо «золотое слов, со слезами смешанное», и плач Ярославны, и нескончаемое горьководное во все века: «...тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую», «...сваты попоиша, а сами полегоша...», и светлое-тресветлое, освобождающее сердца от плена: «Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле». Это «тресветлое», как у Ярославны, вместе с «треисподней», «тугой» (печаль, горе) и «комонем» (конь) в самой употребительной форме отыскал я недавно в так называемом «Русском Устье» на Индигирке рядом с Ледовитым океаном, куда русский человек, по преданию, приплыл на кочах еще во времена Грозного и где в окружении инородцев и вдали от терзавших Россию перемен до самых последних дней сохранял свой старый язык. Чудилось мне, когда я слушал эту речь, что от похода Игорев в половецкую степь нас разделяют не многие века, а только многие версты пораженной Родины, — с такой отрадой принимала и понимала древние слова моя «треисподняя».

Мысль о том, что наша литература началась с Пушкина, применительно к истории словесности нужно отодвигать дальше — к «Слову о полку Игореве». Русское искусство, а литература в особенности, в большей части оттуда — из художественной, эмоциональной и идейной структуры «Слова», из его страстной

патриотической одушевленности и поэтической возвышенности, и, пока «Слово» было в забвении, интуитивно держалось тех же правил. Так много и полно о русской доле было сказано «Словом» и с такой изнуряющей правдой и вместе с такой спасительной верой, что все это в единстве стало первым и необходимым условием литературы. Призыв на определенном этапе духовной высоты перешел во вдохновенную проповедь, проповедь при ослаблении исторической памяти вернулась к объединяющему призыву. Редчайшую изобразительную красоту после «Слова» грешно было терять, природа для того, кажется, и создала русский язык, чтобы в полной мере выразить себя, и отечественная наша словесность, питавшаяся народной поэзией в XIX веке с заходом в XX, добилась едва ли не абсолютного слуха. Художническая отвага автора «Слова» и гражданское его возбуждение дали прекрасные плоды.

Две вещи поражают меня всякий раз, когда я перечитываю «Слово». Первая: что и в те времена у русского человека была богатая история. Факт известный, но удивляет обращение автора к ней не как к минувшему и отошедшему, а как к единому живому народному организму, где все одинаково важно и необходимо — и вчерашнее, и сегодняшнее. События старины глубокой так же естественно и полноправно вступают в «Слово» в настоящее, как левая нога при ходьбе приставляется к правой. Предки наши в этом смысле были, похоже, умней и памятливей нас.

И второе. Замечаем ли мы, что «Слово» — это энциклопедия русской души во всех ее лучших и не самых лучших качествах? По внутренней своей системе минувшие века мало изменили нас, мы до сих пор внуки Дажьдыбога и в огромной степени зависим от природного мира, в котором были рождены и который воспитал наш общий характер. «И свычай, и обычай», и верования, и труды наши от той земли, которая была отчиной и дединой еще нашим предкам. И потому есть все основания считать, что ничто так сильно и разрушающе не влияет на нашу душу, ничто так не опустошает ее и не изгоняет, как безоглядное и неразумное в угоду сомнительным временным интересам, изменение окружающей нас природной почвы.

Нелишне бы помнить об этом, чтобы, пользуясь строкой из «Слова», не «встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука».